

ПОЛЯКОВА Ирина Павловна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Липецкого государственного технического университета. Автор 116 научных публикаций, в т. ч. 5 монографий, 4 учебных пособий*

ЛИНЧЕНКО Андрей Александрович, кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Автор 102 научных публикаций, в т. ч. 6 монографий, 8 учебных пособий**

СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА ПОВСЕДНЕВНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

В статье предпринимается попытка теоретико-методологического анализа сущности и структуры повседневной исторической культуры, являющейся важным уровнем исторической культуры общества. Обосновывается мысль о возможности использования термина «повседневная историческая культура»; последняя выступает общим полем развертывания всего многообразия форм присутствия времени в повседневности. Авторы рассматривают сущность повседневной исторической культуры в качестве особой среды, где развертывается универсальная историчность человека, содержащая элементы изменчивого и устойчивого. Исследуют наиболее значимые методологические подходы к повседневности как теоретические предпосылки для выделения структуры повседневной исторической культуры. Выявлено, что возможности различных методологических традиций анализа повседневной исторической культуры могут быть соотнесены в рамках «практического поворота» в философии. Показано, что имеющиеся концепции практик позволяют с разных сторон изучать структуру повседневной исторической культуры. Авторы приходят к выводу, что в рамках теории практик, восходящей к феноменологии и экзистенциализму, пространство повседневной исторической культуры может быть структурировано в контексте памяти тела, коммеморативных функций вещей, дома, семьи и «мест памяти». В статье исследуются границы использования экзистенциально-феноменологической философии при анализе повседневной исторической культуры и исторического сознания. Обосновываются преимущества теоретической модели анализа повседневной исторической культуры, восходящей к работам культурно-исторической теории Л.С. Выготского, а также трудам сторонников деятельностного подхода (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, А.Р. Лурия, В.В. Давыдов). Это позволяет рассматривать структуру повседневной исторической культуры в контексте практик труда, быта и досуга, исследовать особенности исторической идентификации.

Ключевые слова: повседневная историческая культура, историческая культура общества, историчность человека, «практический поворот» в философии.

*Адрес: 398050, г. Липецк, ул. Интернациональная, д. 126; e-mail: linchenko1@mail.ru

**Адрес: 398600, г. Липецк, ул. Московская, д. 30; e-mail: ir.p.polyakova@yandex.ru

Для цитирования: Полякова И.П., Линченко А.А. Сущность и структура повседневной исторической культуры: теоретико-методологический аспект // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 2. С. 68–76. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.68

¹Статья подготовлена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда № 15-23-01001 а(м) «Трансформация ценностей повседневной исторической культуры в современном мире».

Глобализация, динамизм социальных процессов, рост коммуникационных связей существенно трансформируют механизмы исторической идентификации в современном мире. Опыт прошлого, социальные традиции, историческая память всегда выступали одними из важнейших элементов исторической идентификации и идентичности человека. Можно ли сказать, что опыт прошлого продолжает сохранять подобное значение? Как видится, ответ на этот вопрос лежит в плоскости изучения той среды, в которой формируется и транслируется опыт прошлого, актуализируются те или иные образы исторической памяти. Именно историческая культура оказывается той наиболее общей средой, где формируется как научное, так и массовое историческое сознание общества, выявляются базовые смысловые ориентации его в социальном пространстве и времени.

Вместе с тем понятие «историческая культура» сравнительно недавно стало привлекать внимание исследователей. Сегодня оно широко применяется в новой интеллектуальной истории и дидактике истории. Сама дидактика истории, возникшая как реакция на необходимость «преодоления» нацистского прошлого в ФРГ в 1970–80-е годы, оказалась особым пространством знания о прошлом, находящимся на пересечении педагогики, исторической науки и философии истории. Именно из дидактики истории термин «историческая культура» переключался в социологию и историческую науку, где в последние годы оказался особенно эффективным.

В связи с этим дискуссионными продолжают оставаться вопросы о сущности, структуре исторической культуры, а также ее статусе среди понятий и категорий философии истории. В данной статье авторы предпринимают попытку рассмотрения представленных теоретических проблем использования понятия «историческая культура» в контексте повседневности как одного из пространств исторической культуры. Это связано с тем, что историческая культура представляет собой прежде всего определенную совокупность знаний о прошлом. Тракто-

вания как атрибута человеческого бытия, как культурно-исторического феномена, определяемого факторами времени и пространства, различными формами практик и теоретической деятельности, превратили проблемы повседневности в один из наиболее важных объектов научного осмысления.

Любопытное определение исторической культуры дает английский историк Дэвид Вульф: «Историческая культура состоит из привычных способов мышления, языков и средств коммуникации, моделей социального согласия, которые включают элитарные и народные, нарративные и ненарративные типы дискурса. Она выражается как в текстах, так и в общепринятой форме поведения – например, в способе разрешения конфликтов через отсылку к признанному историческому образцу, такому как “древность”. Характерные черты исторической культуры определяются материальными и социальными условиями, а также случайными обстоятельствами, которые, как и традиционно изучаемые интеллектуальные влияния, обуславливают манеру думать, читать, писать и говорить о прошлом <...> они являются частью ментального и вербального фона того общества, которое использует их, пуская в обращение среди современников посредством устной речи, письма и других средств коммуникации. Это движение и процесс обмена элементов исторической культуры можно для удобства назвать ее социальной циркуляцией» [1, р. 9–10].

Й. Рюзен предлагает понимать под исторической культурой все формы и способы восприятия прошлого в контексте настоящего и будущего. В историческую культуру, по его мнению, входят и бессознательное, и политизация истории, различные аспекты запоминания, места памяти и идентичности [2, S. 238]. Другими словами, она охватывает все случаи «присутствия» прошлого в повседневной жизни.

Как видно из представленных определений, понятие «историческая культура» трактуется очень широко. На наш взгляд, указанная широта должна быть дополнена анализом структурных компонентов исторической культуры,

которые могли бы позволить рассмотреть конкретные механизмы различных способов воспроизводства опыта прошлого и обращения к нему. В связи с этим выделение повседневного и неповседневного представляется одним из перспективных путей структурирования исторической культуры. «Ни одна человеческая культура немислима без противопоставления повседневного и неповседневного» [3, с. 42], – писал в свое время Б. Вальденфельс. Что же дает введение в научный оборот понятия «повседневная историческая культура»?

Повседневность занимает важное место в концептуализации исторической культуры, т. к. именно благодаря повседневной жизни общества закрепляются в виде традиций и транслируются различные исторические практики. Ввиду этого возникают следующие вопросы: как возможна повседневная историческая культура, каковы ее сущность и структура? И здесь требуется провести социально-философский анализ.

Отечественные исследователи К.Н. Любутин и П.Н. Кондрашов, говоря о сущности повседневной деятельности, имеют в виду особую форму непосредственной человеческой деятельности, осуществляющуюся в конкретной фактичности событийных ситуаций. Они выделяют такие ее характерные особенности: рутинная однообразность трудовых будничных ритмов; «типизированность, привычность и автоматизированность» действий, которые совершаются с помощью подручных средств «привычного предметного универсума»; относительная статичность, неподвижность бытийных структур; определенная темпоральная структура, связанная с временными режимами работы, домашних дел и свободного времени; укорененность в наличной действительности, затерянность-в-вещах; отсутствие ярко выраженных эмоциональных переживаний и всплесков; усредненная обезличенность; само-собой-разумеющееся понимание; превращенность и стереотипность сознания; экономия мышления и экономия действия; наивный реализм (естественная установка); национально-культурный и биографический контекст

содержания; практическое единство бытия и сознания, их фактическая нерасчлененность [4, с. 260].

По нашему мнению, выделение повседневной исторической культуры позволяет увидеть активный характер непрофессиональной среды восприятия и воспроизводства прошлого. Использование данного понятия также открывает нам то пространство, в котором живет, пишет и действует историк, всегда продолжающий оставаться человеком своего времени и именно своей культурой.

Поскольку нам уже приходилось писать о проблемах сущности повседневной исторической культуры [5], отметим, что мы будем исходить из следующего ее понимания: повседневная историческая культура – это особое измерение исторической культуры, сущность которой состоит в том, что она выступает особой социальной средой, где разворачивается универсальная историчность человека, содержащая элементы стабильного и устойчивого. Речь идет об особом темпоральном ритме, в котором историчность предстает как однообразный ряд изменений, событий и ситуаций. В данном случае актуализируется не столько трактовка историчности как радикальной изменчивости и релятивности сущего, сколько трактовка историчности как постоянного, а значит, ставшего рутинным процесса изменений. Понять революционные, радикальные, неповседневные изменения мы можем только на фоне повседневной исторической культуры. Более того, повседневная историческая культура выступает тем общим полем, где разворачивается все многообразие слабо интегрированных между собой форм присутствия времени в самой повседневности (исторический опыт, память, забвение, повседневное историческое сознание).

Ю.В. Перов писал, что «трактовка фундаментальной “историчности” человеческого существования в экзистенциальной традиции фиксировала, что человек не только в качестве “исторического деятеля”, но и в повседневной жизни через “проект самого себя” и его осуществление (в терминах Сартра) всегда

выходит за рамки наличной данности существования, “трансцендирует” в отношении своего наличного бытия в проектируемое будущее» [6, с. 77].

В связи с этим особое внимание следует уделить проблемам определения структуры повседневной исторической культуры. Вряд ли успешным будет прямой перенос различных попыток структурировать повседневную историческую культуру по аналогии с исторической культурой, неоднократно предпринимаемых в немецкой научной среде. Тем не менее можно выделить несколько подходов к структурированию исторической культуры, представленных в современных исследованиях.

Развивая культурно-антропологический подход к историческому сознанию, Й. Рюзен указывает на когнитивное, политическое и эстетическое измерения в исторической культуре [2, S. 219]. Несколько иную модель на конференции по дидактике истории, прошедшей в Свободном университете Берлина в марте 2015 года, представил Ф. Бритше. Он предложил говорить о структуре исторической культуры в зависимости от сферы общественной деятельности, выделив идеологическую, религиозную, эмоциональную, политическую, когнитивную, эстетическую, экономическую сферы исторической культуры. Среди субъектов воспроизводства исторической культуры он назвал институты, профессиональные сообщества, медиа, общественные организации [7].

Существуют попытки прояснения структуры такого явления, как мемориальная культура (Erinnerungskultur), близкого по смыслу к исторической культуре. В структуре мемориальной культуры А. Эрл выявляет материальное (медиа, памятники, историописание, документы, фотографии), социальное (социальные институты и практики, например архивы, университеты, ритуалы памяти), ментальное (схемы и коды мемориальной культуры, например иерархии ценностей, исторические образы, культурные стереотипы) поля мемориальной культуры [8, S. 116]. Однако предпринятая попытка не позволяет нам выявить особенности именно

повседневного уровня исторической культуры, его специфики, механизмов воспроизводства опыта прошлого в контексте повседневности. И здесь – известное противоречие, связанное с самой трактовкой повседневности.

Как известно, проблемы повседневности получили развернутый анализ в феноменологии, феноменологической социологии и феноменологической герменевтике. Именно в рамках данных направлений были выявлены элементы и структуры повседневности, хорошо изученные в соответствующей литературе. Повседневная жизнь здесь оказывается центрированной на бытие отдельного человека, движущегося навстречу Другим и обретающего их в intersубъективном со-бытии. Вместе с тем в последнее время предпринимаются попытки анализа феномена повседневности в контексте понятия «деятельность», что позволяет взглянуть на повседневность как продукт изначально совместного взаимодействия людей, их непосредственной деятельности. Наконец, особое место здесь занимает понятие «габитус», представленное в работах П. Бурдьё. Предельно важно, что габитус определяется Бурдьё в качестве ансамбля интериоризированных социальных отношений: это одновременно совокупность схем и условие производства человеческих практик.

Как видится, все вышеперечисленные подходы к повседневности могут быть использованы в качестве определенных методологических оснований для выделения структуры повседневной исторической культуры. Повседневность как на частном, так и на общественном уровне представляется динамичным явлением, которое вряд ли может быть охвачено в рамках какой-либо одной теоретической модели и тем более – какой-либо одной структуры.

Определенным горизонтом, намечающим пути дальнейшего исследования проблем структуры повседневной исторической культуры, является так называемый практический поворот, получивший широкое распространение в антропологической, философской и социологической литературе в 1980-е годы [9]. Речь идет о внутренней «практизации» теоретического

ядра философского знания, переопределении понятия философии в рамках ее постметафизического понимания, что означает прежде всего «посюстороннюю» привязанность философского мышления к опыту, медиальное понимание опыта и перформативность философской «теории». Язык и действие, речь и повседневные практики, фактичность значения уже давно находятся в фокусе современного философствования как в рамках герменевтики, феноменологии, так и в рамках социально-критической философии, обновленных версий прагматизма.

Как отмечается, в социологической теории термин «практика» также символизирует поиски компромисса между объективизмом системно-структуралистского подхода и субъективизмом феноменологии и в то же время – попытки предложить «третий путь»: либо посредством категориального синтеза, как, например, в теории «структуризации» Энтони Гидденса, либо указанием на воплощенность социально-классовых структур в самом деятеле, как это попытался сделать Бурдьё с помощью концепции габитуса [10, с. 11]. Исследователи также указывают на то, что «сегодня практическая парадигма если и существует, то лишь как удобная территория для междисциплинарных исследований. С одной стороны, практика (или практики) все чаще фигурирует в качестве основной категории в антропологии, философии, истории, социологии, политической теории, теории языка, литературной теории, – и в этом смысле, формируется некая общая для социальных наук парадигма. С другой стороны, для каждой дисциплины характерен свой, отличный от других способ включения этих понятий в исследовательскую традицию, свой способ концептуализации» [10, с. 11].

Сложившаяся ситуация означает, что сам объект изучения диктует необходимость выбора исследователем той или иной концепции практики как инструмента теоретического анализа. Это могут быть различные варианты «левой», или «гуманистической», концепции практики, близкой к марксистскому пониманию

«праксиса», а также культурно-исторической теории Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, В.В. Давыдова. Это также могут быть и различные варианты «правой», или «консервативной», теории практики, восходящей к работам М. Хайдеггера, Л. Витгенштейна и представленной в трудах П. Бурдьё, М. Фуко, М. де Серто, Б. Латура и др.

Современный исследователь, работающий в русле парадигмы «практического поворота», таким образом, просто не может использовать какую-то одну концепцию практики (практик). Скорее, имеется в виду некая комбинация методов, полем взаимоотношения которых как раз и выступает сам объект исследования. С.П. Щавелев резонно замечает: «...категория практики <...> приобретает достаточно широкий, гибкий смысл реального свершения, реализации материальных и(ли) духовных способностей человека, возможностей общества. Не только сугубо вещное да телесное, но и идейное, душевное действие в той или иной степени практично, если оно каким-то образом овнешнено, способствовало тому самому изменению обстоятельств, которое, по справедливому заключению К. Маркса, на практике совпадает с человеческой деятельностью» [11, с. 52].

С позиций «правого» варианта теории практик структура повседневной исторической культуры будет связана с системой отношений между памятью тела, вещами как носителями памяти, домом как пространством памяти, семейной памятью и, наконец, «местами памяти», хорошо проанализированными П. Нора. Речь идет о пространствах памяти и исторического опыта, в которых восприятие прошлого оказывается глубоко персональным и личностно-экзистенциальным процессом, опосредованным фактичностью наличного бытия человека. И в данном случае анализ структуры повседневной исторической культуры мог бы быть предпринят в контексте экзистенциальной аналитики Dasein у Мартина Хайдеггера, представляющей собой интерпретацию основных структур, составляющих Dasein, смыслом бытия которого как раз является временность.

Еще одним вариантом структурирования повседневной исторической культуры могли бы стать идеи Ж.П. Сартра и М. Мерло-Понти о важной роли телесной природы сознания в понимании человеческой историчности. Вместе с тем, как отмечается в научной литературе, перенос на историческую реальность опыта анализа механизмов смыслообразования, выработанных применительно к человеческой экзистенции, не всегда может быть эффективным: «Ограничения, проистекающие из несоизмеримости индивидуального и общественно-исторического существования людей, в том числе и фиксирующие некорректность рассмотрения общества как единого самосознательного субъекта исторического действия, сохраняют значимость в этом случае. Общество не может быть уподоблено одному “большому человеку”» [6, с. 78].

Структура повседневной исторической культуры может быть изучена и в контексте понимания повседневности как деятельности, т. е. в ракурсе условно называемой «левой» концепции практики. Несмотря на уникальность повседневной жизни каждого человека, ее структура чаще всего представлена тремя основными сферами (трудом, бытом и досугом), где происходит удовлетворение всех потребностей, а также реализация способностей личности. Повседневная жизнь человека не может рассматриваться вне контекста деятельности. Субъектами последней являются люди в своих обычных условиях бытия, объектами выступают предметы, которыми мы манипулируем в повседневной жизни и которые способствуют удовлетворению наших потребностей. Базовые потребности людей одинаковы, однако способы и предметы, их удовлетворяющие, – разные. Это зависит от условий жизни, социального статуса, личностных особенностей и ряда других факторов. Еще более сложными и сугубо индивидуальными представляются социальные и духовные потребности личности.

Первостепенной составляющей повседневной жизни личности является ее трудовая деятельность, занимающая существенную часть

практически каждого дня. Именно она способствует поддержанию жизнедеятельности человека, обеспечивает материальную сторону его бытия и выступает необходимым условием реализации личностного потенциала, удовлетворяя тем самым материальные, социальные и духовные потребности личности. Элементами трудовой деятельности помимо ценностей, которыми обуславливается, и потребностей, которые удовлетворяет, являются способы и средства ее осуществления и степень ее осознанности.

Историческая идентификация и обращение к отдельным элементам исторического опыта в рамках трудовой деятельности связаны прежде всего с важной ролью орудий труда, поскольку исторически передача навыков и умений, а также практических знаний всегда осуществлялась в т. ч. и в процессе использования, хранения, изготовления орудий труда. Однако передача трудовых навыков предполагает и определенную культуру труда, понимаемую в данном аспекте как совокупность трудовых традиций, принципов труда, его ценностных ориентиров, реализующихся в специфическом отношении к целям, предмету и средствам труда.

Сфера досуга часто воспринимается как своего рода бездеятельность, время, которое человек проводит исключительно «для себя», в форме пассивного отдыха, направленного на восстановление физических и моральных сил. Разумеется, и такое случается. Тем не менее сфера досуга – важнейшая область жизни личности, где она может найти применение невостребованным в трудовой деятельности способностям. В связи с этим досуг – тоже своего рода деятельность, целью которой является познание, получение положительных эмоций, удовольствия, новых впечатлений, возможность провести время с семьей, близкими людьми.

В сфере досуга особенно ярко проявляются индивидуальные особенности личности, потому что на отдыхе, как правило, нет необходимости придерживаться социальных ролей. Кроме того, человек не преследует утилитарно-практических целей – мотивация досуга внутренняя: процесс ради самого процесса,

человек более свободен в своих проявлениях и творческом подходе к организации отдыха. Все многообразие форм досуга по большому счету можно свести к одной из 5 категорий: коллекционеры; изготовители и ремесленники; участники самодеятельности; участники спортивных состязаний, игр и турниров; любители, увлекающиеся разными областями искусства. Некоторые хобби развиваются в профессии, становясь основной сферой деятельности. Отметим, что каждая из сфер досуга имеет особый исторический опыт, воспроизводящийся в конкретных практиках и транслируемый соответствующими традициями.

Досуг детерминирован двояко: с одной стороны, материальными возможностями личности, с другой – ее духовными потребностями. Досуг занимает особое место в структуре повседневной исторической культуры. Это связано с особым статусом сферы досуга как источника сохранения и трансляции традиций. Данная сфера подвержена изменениям в большей степени, чем сфера быта, в то же время важную роль в ней играют праздники и годовщины, выступающие одним из важнейших источников преемственности коммеморативного пространства повседневности. Здесь речь идет как о личных, семейных, так и национальных праздниках.

Что касается бытовой сферы жизни личности, то она, как правило, окрашивается негативно – в первую очередь в силу своей рутинности, необходимости удовлетворения витальных потребностей, однообразия и трудоемкости. Тем не менее именно сфера быта требует больше способностей и большего напряжения душевных и физических сил.

Под бытом традиционно понимается уклад повседневной жизни, типичный для какого-либо сообщества, этносоциальной либо возрастной группы, семьи и отдельного индивида. По определению Ю.М. Лотмана, быт есть «обычное протекание жизни в ее реально-практических формах», включающее в себя не только привычки и нравы каждодневного поведения, но и «жизнь вещей», постоянно сопровождающих человека (способы их повседневного

использования) [12, с. 212]. Быт – это «ритуал ежедневного поведения», «обычай и строй жизни» [12, с. 212], который диктует тот или иной распорядок дня, характер труда и досуга, включая формы отдыха и игры, любовный ритуал и ритуал похорон. Легко замечая особенности чужого быта, люди, как правило, склонны считать свой быт «просто жизнью», естественной нормой повседневности.

Быт – сложное, многоаспектное явление, состоящее из разнообразных, более или менее четко фиксируемых способов осуществления самых что ни на есть необходимых действий (устройство жилища, способы приготовления пищи, формы труда и отдыха), однако в своем историко-культурологическом измерении быт несводим к простой сумме этих практических функций. Структура быта рассматривается с точки зрения соотношения материальной и духовной сторон, видов затрат времени и деятельности, типов социального объединения. Быт оказывается значимой сферой повседневной исторической культуры, поскольку выступает тем пространством, в котором человек осмысливает и постигает исторический опыт своей семьи, равно как и автобиографический опыт. В связи с этим семья, дом оказываются наиболее близкими и значимыми для человека источниками исторической преемственности. Не случайно взаимоотношения между поколениями как подлинными субъектами исторической культуры осуществляются по преимуществу в пространстве сферы повседневного быта посредством вещей, ритуалов, семейных традиций. Дух прошлого, исторический опыт благодаря механизму исторической идентификации оказываются связанными с «инструментами отца», «кортиком деда», мебелью, вещами или домом предков.

Представляя столь краткий и беглый анализ структуры повседневной исторической культуры, заметим, что подробный сравнительный анализ выделенных нами элементов структуры, особенностей их воспроизводства опыта прошлого требует отдельного большого исследования. В данной статье мы предприняли попытку определить те методологические ориентиры,

в рамках которых данная структура может быть в дальнейшем продуктивно использована.

Таким образом, сущность повседневной исторической культуры состоит в том, что она выступает особой средой, где разворачивается универсальная историчность человека, содержащая элементы изменчивого и устойчивого. Различные подходы к повседневности могут быть использованы в качестве методологических оснований для выделения структуры повседневной исторической культуры. Определенным горизонтом, намечающим пути дальнейшего исследования проблем повседневной исторической культуры и соотношения различных методологических традиций, является так называемый практический поворот.

С точки зрения «правой» теории практик структура повседневной исторической культуры оказывается связанной с такой системой

отношений: память тела, вещи как носители памяти, дом как пространство памяти, семейная память и «места памяти». Вместе с тем вполне обоснованным представляется подход к структуре повседневной исторической культуры в контексте практик труда, быта и досуга, понятых в рамках методологии деятельностного подхода, указывающего на глубокую взаимосвязь личного и общественного, телесного и сознательного, личностного и культурного в пространстве повседневности.

Мы считаем, что подход к исторической культуре с позиций повседневного и неповседневного, рассмотренный в статье, позволит в дальнейшем более детально анализировать теоретические и практические вопросы трансформации отношения к прошлому в современном динамичном и глобализирующемся мире.

Список литературы

1. Woolf D. *The Social Circulation of the Past: English Historical Culture 1500–1730*. Oxford, 2003. 401 p.
2. Rüsen J. *Historische Orientierung: Über die Arbeit des Geschichtsbewusstseins, sich in der Zeit zurechtzufinden*. Cologne; Weimar; Vienna, 1994. 332 S.
3. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос. 1991. Вып. 1. С. 39–50.
4. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Дialeктика повседневности: методологический подход. Екатеринбург, 2007. 295 с.
5. Полякова И.П., Линченко А.А. Повседневная историческая культура как предмет философского осмысления // Экология Центр.-Чернозем. обл. Рос. Федерации. 2015. № 1(34). С. 145–151.
6. Перов Ю.В. Историчность и историческая реальность. СПб., 2000. 144 с.
7. Britsche F. Überlegungen zu einem Analysemodell von Geschichtskultur // *Geschichtskultur in hybriden Lebenswelten*. Paper Workshop Freie Universität Berlin. Berlin, 2015. S. 2–3.
8. Erll A. *Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Eine Einführung*. Stuttgart; Weimar, 2011. 243 S.
9. Stern J.D. *The Practical Turn // The Blackwell Guide to the Philosophy of the Social Sciences*. Oxford, 2003. P. 185–207.
10. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб., 2008. 298 с.
11. Щавелев С.П. Практическое познание: философско-методологические очерки. Воронеж, 1994. 232 с.
12. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб., 1994. 712 с.

References

1. Woolf D. *The Social Circulation of the Past: English Historical Culture 1500–1730*. Oxford, 2003. 401 p.
2. Rüsen J. *Historische Orientierung: Über die Arbeit des Geschichtsbewusstseins, sich in der Zeit zurechtzufinden*. Cologne, Weimar, Vienna, 1994. 332 p.
3. Waldenfels B. *Povsednevnost' kak plavil'nyy tigl' ratsional'nosti* [Everyday Life as a Melting Pot of Rationality]. *Sotsio-Logos*, 1991, no. 1, pp. 39–50.
4. Lyubutin K.N., Kondrashov P.N. *Dialektika povsednevnosti: metodologicheskij podkhod* [Dialectics of Everyday Life: A Methodological Approach]. Yekaterinburg, 2007. 295 p.

5. Polyakova I.P., Linchenko A.A. Povsednevnyaya istoricheskaya kul'tura kak predmet filosofskogo osmysleniya [Everyday Historical Culture as an Object of Philosophical Study]. *Ekologiya Tsentral'no-Chernozemnoy oblasti Rossiyskoy Federatsii*, 2015, no. 1, pp. 145–151.
6. Perov Yu.V. *Istorichnost' i istoricheskaya real'nost'* [Historicity and Historical Reality]. St. Petersburg, 2000. 144 p.
7. Britsche F. Überlegungen zu einem Analysemodell von Geschichtskultur. *Geschichtskultur in hybriden Lebenswelten. Paper Workshop Freie Universität Berlin*. Berlin, 2015, pp. 2–3.
8. Erll A. *Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Eine Einführung*. Stuttgart, Weimar, 2011. 243 p.
9. Stern J.D. The Practical Turn. *The Blackwell Guide to the Philosophy of the Social Sciences*. Oxford, 2003, pp. 185–207.
10. Volkov V.V., Kharkhordin O.V. *Teoriya praktik* [The Theory of Practices]. St. Petersburg, 2008. 298 p.
11. Shchhavelev S.P. *Prakticheskoe poznanie: filosofsko-metodologicheskie ocherki* [Practical Cognition: Philosophical and Methodological Essays]. Voronezh, 1994. 232 p.
12. Lotman Yu.M. *Besedy o russkoy kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX v.)* [Discussing Russian Culture: The Life and Traditions of the Russian Nobility (18th – Early 19th Century)]. St. Petersburg, 1994. 712 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.68

Irina P. Polyakova

Lipetsk State Technical University;
ul. Moskovskaya 30, Lipetsk, 398600, Russian Federation;
e-mail: ir.p.polyakova@yandex.ru

Andrey A. Linchenko

Lipetsk Branch, Financial University under the Government of the Russian Federation;
ul. Internatsional'naya 12b, Lipetsk, 398050, Russian Federation;
e-mail: linchenko1@mail.ru

THE ESSENCE AND STRUCTURE OF EVERYDAY HISTORICAL CULTURE: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

This paper attempts to identify the nature and structure of everyday historical culture, which is an important level of society's historical culture. Further, it substantiates the possibility of using the term "everyday historical culture", which serves as a general field of realization of the various forms of time's presence in everyday life. The authors consider the essence of everyday historical culture as a special environment in which the universal human historicity, containing changeable and permanent elements, is unfolding. In addition, the most important methodological approaches to everyday life are analysed as a theoretical background helping to identify the historical structure of everyday culture. It was revealed that the opportunities of different methodological traditions in the analysis of everyday historical culture can correlate within the practical turn in philosophy. The paper shows that the existing concepts of practices allow us to study the structure of everyday historical culture in various ways. The authors conclude that, within the theory of practice going back to phenomenology and existentialism, the space of everyday historical culture can be structured in the context of body memory, commemorative functions of things, house, family and "places of memory". Moreover, the limits of using existential-phenomenological philosophy in the analysis of everyday historical culture and historical consciousness are revealed here. The article substantiates the benefits of the theoretical model of everyday historical culture analysis, originating in the cultural and historical theory of L.S. Vygotsky and activity approach. This allows us to analyse the structure of everyday historical culture in the context of the practices of work, home life and leisure, as well as to reveal peculiarities of historical identification.

Keywords: *everyday historical culture, society's historical culture, human historicity, practical turn in philosophy.*

Поступила: 21.10.2016
Received: 21 October 2016

For citation: Polyakova I.P., Linchenko A.A. The Essence and Structure of Everyday Historical Culture: Theoretical and Methodological Aspects. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 2, pp. 68–76. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.68